

В. Н. Рудаков

Журнал «Историк», Москва, Россия. ps-rudakov@yandex.ru

ЗАГАДОЧНЫЙ ПОХОД ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА НА КАМЕНЕЦ (1239 г.)

Статья посвящена анализу деятельности великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича (1190/1191–1246) в годы нашествия Батгя на русские земли. В работе уточняются цели похода князя на южнорусский город Каменец (1239 г.). На основе анализа источников высказывается гипотеза, согласно которой этот поход был осуществлен им не из Владимира, а из окрестностей Киева, где в то время мог находиться Ярослав. В связи с этим пересматривается время возвращения князя из Киева в Суздальскую Русь. Скорее всего, это произошло не в середине 1238 г., как принято считать, а на рубеже 1239–1240 гг. В период его отсутствия во Владимире там правил его младший брат – князь Святослав Всеволодович (1196–1252), который при возвращении Ярослава получил Суздаль – второй по значению город Суздальской земли и, возможно, статус соправителя.

Ключевые слова: великий князь Ярослав Всеволодович, Святослав Всеволодович, Михаил Всеволодович Черниговский, Батый, нашествие, битва на реке Сити, Киев, Владимир, Суздаль, поход на Каменец

Еще Н. М. Карамзин выражал изумление по поводу того, что великий князь Ярослав Всеволодович, прибыв незадолго перед этим (судя по всему, из Киева¹) в разоренный татарами Владимир, вскоре вновь оказался на другом краю Русской земли, в районе города Каменец [Карамзин, с. 182, примеч. 20]. Существует несколько вариантов локализации упомянутого в летописях города, однако большинство современных исследователей склоняются к тому, что речь, скорее всего, идет о Каменце, располагавшемся в районе реки Хоморы (приток реки Случь). Это место – на границе тогдашней Волыни и Киевщины в более чем 200 км юго-западнее Киева [Барсов, с. 100, примеч. 179; Dimnik, 1979, p. 27; Котляр, 1985, с. 74; Горский, 2016, с. 121–122, примеч. 110]².

Сообщение об этом походе содержится под 6747 (1239) г. в Лаврентьевской летописи (далее – Лавр.): «Того же лѣта Ярославъ иде г Каменьцю; град взя Каменецъ, а княгнню Михайлову со множеством полона приведе в своя си»³. Кроме того, о походе Ярослава Всеволодовича под 6746 г. сообщает и Ипатьевская летопись (далее – Ипат.): «... яко бѣжалъ есть Михаилъ ис Кыева в Угры, ѣхавъ я княгнню его и бояръ его поима, и город Каменѣць взя. Слышавъ же се Даниль, посла слы река: “Пусти сестру ко мнѣ, зане яко Михаилъ обѣима нама зло мыслить”. И Ярославъ услыша словеса Данилова, и бысть тако, и приде к нима сестра, к Данилу и Васиаку, и держаста ю во велицѣ чести»⁴. Редкое для позднего периода биографии Ярослава Всеволодовича явление: сразу в двух ранних летописях рассказывается о, казалось бы, малозначительном и совершенно факультативном⁵ для великого князя деянии – походе на небольшой городок на Юге Руси.

Тем более что результат похода, если судить по сообщению Ипат., был нулевым. Это обстоятельство дало основание Дж. Феннелу назвать поступок Ярослава «актом личной

¹ О том, что накануне нашествия Ярослав, скорее всего, находился в районе Киева, см. подробнее: [Горский, 1990, с. 30–32].

² Подробнее обзор мнений см.: [Рудаков, с. 421–422].

³ ПСРА. М., 1997. Т. 1. Стб. 469.

⁴ ПСРА. М., 1998. Т. 2. Стб. 782.

⁵ «Незначительным набегом» («insignificant raid») называл поход Ярослава на Каменец биограф Михаила Черниговского, канадский исследователь Мартин Димник. При этом, по его мнению, «этот незначительный набег являлся дополнительной иллюстрацией глубины укorenившейся враждебности, которая существовала между русскими князьями в период татарского нашествия» (см. подробнее: [Dimnik, 1981, p. 84]).

мести, лишенным политической целесообразности». По словам исследователя, поход на Каменец «почти ничего не дал Ярославу: он не захватил в плен своего старого врага» – Михаила Всеволодовича Черниговского. Но даже если бы он захватил его самого, а не его супругу, это вряд ли на что-либо повлияло бы. Судьба киевского княжения уже не была в руках черниговского князя [Фенел, с. 139].

Поход Ярослава на Каменец не может не вызывать вопросов.

Во-первых, что могло заставить князя через год после прибытия в столицу своих новых владений бросить Владимирское княжество на произвол судьбы и отправиться в далекую Южную Русь? Тем более в условиях, когда к ее границам приближались татары и сами южнорусские князья (тот же Михаил Всеволодович Черниговский⁶), наоборот, стремились покинуть ставший опасным регион. Во-вторых, где Ярослав смог взять военные силы, для того чтобы отправиться в столь дальний и столь рискованный поход? Вряд ли он мог опереться на владимирскую дружину. Ведь ее большая часть погибла во время штурма Владимира татарами в феврале 1238 г. Меньшая же часть («малая дружина»), если верить рассказу Лавр., в марте 1238 г. пала на берегах реки Сити вместе с великим князем Юрием Всеволодовичем⁷. Поскольку никаких дополнительных сил в разоренном Владимирском княжестве он, скорее всего, собрать не мог, затеяв поход на Каменец, Ярослав Всеволодович вынужден был опираться только на тех воинов, которые прибыли с ним из Киева и численность которых вряд ли была столь уж значительна. Наконец, в-третьих, непонятно, как Ярослав смог так быстро отреагировать на бегство Михаила из Киева, если для этого ему требовалось преодолеть расстояние, по прямой превышающее 1200 км. Если брать в расчет тогдашнюю скорость передвижения, этот путь мог занять у княжеского отряда не менее месяца [Рудаков, с. 412, примеч. 2]. Но при этом Ярослав все-таки сумел нагнать обоз Михаила Черниговского и взять в плен его жену, а значит, скорость его реакции была весьма высока.

Поиск ответов на эти вопросы породил предположение, что речь в соответствующих статьях Лавр. и Ипат. могла идти о совершенно другом Ярославе. В свое время С. М. Соловьев высказал гипотезу, согласно которой обе летописи в данном случае рассказывали о действиях тезки великого князя владимирского, одного из мелких волыньских князей – некоего Ярослава Ингваревича. Историк исходил из того, что и в Лавр., и в Ипат. князь Ярослав назван только по имени: это, по мнению С. М. Соловьева, и могло породить путаницу. Впоследствии ряд исследователей поддержали такую трактовку ([Соловьев, с. 322, примеч. 277], ср.: [Экземплярский, с. 17, примеч. 36; Грушевский, с. 423; Котляр, 2005, с. 252]). В современной литературе наиболее активно эту точку зрения отстаивает А. В. Майоров, который исходит из того, что «из далекого Владимира-Суздальского Ярославу Всеволодовичу трудно было бы успеть (курсив мой. – В. Р.) перехватить в Каменце жену и обоз бежавшего из Киева Михаила»; он также считает, что в известии Ипат. речь идет о Ярославе Ингваревиче и это известие «попало в северные своды, так как Ярослав Ингваревич по недоразумению был принят за Ярослава Всеволодовича» [Майоров, 2001, с. 602; Майоров, 2012, с. 43–50]. Между тем Н. М. Карамзин, первым обративший внимание на странность поступка великого князя и уже тогда задумывавшийся о возможной причастности князя Ярослава Ингваревича к этим событиям, в итоге отверг подобную версию [Карамзин, с. 182, примеч. 20]. Действительно, если южнорусская Ипат. теоретически могла иметь в виду какого-то иного Ярослава, то Лавр., отразившая разные этапы летописания Северо-Восточной Руси (особенно в том контексте,

⁶ О возможных причинах его бегства см.: [Майоров, 2016, с. 97–98].

⁷ ПСРА. Т. I. Стб. 461.

в котором находится сообщение о походе на Каменец), могла рассказывать только о великом князе владимирском⁸.

Если речь шла все-таки о Ярославе Всеволодовиче, то получается, что он, прибыв во Владимир в середине 1238 г., уже на следующий год отправился под Каменец. Вторая часть этого утверждения не вызывает сомнений – в ее пользу говорят свидетельства сразу двух летописных источников. Но справедлива ли первая часть? Иными словами, действительно ли Ярослав прибыл во Владимир в 1238 г.?

«Поча ряды рядити»

Для того чтобы разобраться в этом, прежде всего необходимо проанализировать сообщение Лавр. о прибытии великого князя в свою новую столицу. Рассказ о приезде Ярослава Всеволодовича во Владимир, дошедший в составе этой летописи, хорошо известен. «В лѣто 6746 (1238). Ярославъ, сынъ Всеволода великаго, сѣде на столѣ в Володимери. И бысть радость велика христьяном, их же избави Богъ рукою своею крѣпкою от безбожных татаръ. И поча ряды рядити, яко же пророкъ глаголет: “Боже, суд твой цареви дажь, и правѣду твою сынови цесареви – судити людемъ твоим в правду и нищим твоимъ в суд”. И потомъ утвердися в своем честнѣмъ княжении. Того же лѣта князь Ярославъ великый отда Суждаль брату своему Святославу. Того же лѣта отда Ярославъ Ивану Стародубъ. Того же лѣта было мирно»⁹. Опираясь на это сообщение, исследователи и датируют приезд великого князя во Владимир¹⁰.

Но можно ли доверять этому сообщению летописи? В свое время М. Д. Присёлков предположил, что в этой части Лавр. мы имеем дело с отражением летописи самого Ярослава Всеволодовича, выполненной для него в Ростове уже в следующем 1239 г. [Присёлков, с. 141–142, 144; Бородихин, с. 41], то есть источником, который по определению должен был быть осведомлен о реальных поступках нового великого князя.

Однако, вероятнее всего, это не так: при внимательном анализе текста становится заметно его позднее происхождение. Так, еще Г. М. Прохоров установил, что фраза «И поча ряды рядити, яко же пророкъ глаголет: “Боже, суд твой цареви дажь, и правѣду твою сынови цесареви – судити людемъ твоим в правду и нищим твоимъ в суд”. И потомъ утвердися в своем честнѣмъ княжении» статьи 6746 (1238) г. является заимствованием из предшествующего рассказа Лавр. и касается утверждения в 6714 (1206) г. старшего брата Ярослава – великого князя Константина Всеволодовича на новгородском столе¹¹. В результате возникает явный смысловой повтор: получается, что Ярослав Всеволодович сначала «сѣде на столѣ», а затем еще и «утвердися в своем честнѣмъ княжении». Вряд ли автор синхронной событиям

⁸ См. подробнее: [Горский, 2004, с. 186–187, примеч. 27]. С тем, что упомянутый в Ипат. Ярослав не мог быть Ярославом Ингваревичем, согласны и составители новейшего текстологического комментария к Галицко-Волынской летописи: «Ярослав Ингваревич – персонаж эпизодический, в ГВл он не упоминается после 1228 г., а, значит, близко ко времени событий не мог иметь никаких (указанных в летописи) враждебных отношений с Михаилом Всеволодовичем, что лишает смысла обращенную к Ярославу фразу Даниила: “Михаиль обѣима нама зло мыслить”». По мнению составителей комментария, «арбитром между научными версиями выступает сообщение Лавр. под 1239 годом... помещенное между сообщениями о захвате Переяславля и Чернигова монголами», в котором речь идет о Ярославе Всеволодовиче (см. подробнее: Галицко-Волиньский літопис. Текстологія / За ред. О. П. Толочка. Київ, 2020. С. 312).

⁹ ПСРА. Т. 1. Стб. 467.

¹⁰ Если исходить из этой версии событий, то новый правитель Владимирского княжества мог оказаться во Владимире не раньше середины 1238 г. Во-первых, нужно учитывать, что осада татарами Козельска, через который проходил путь из Киева во Владимир [Кучкин, 2020, с. 15], начавшись не раньше марта, продолжалась, согласно Ипат., «семь недель» (ПСРА. Т. 2. Стб. 781). Это означает, что татары покинули район Козельска не раньше конца мая: вряд ли до этого времени князь решился бы выехать во Владимир. Кроме того, сама дорога от Киева до Владимира (свыше 1000 км по прямой) могла занять у Ярослава еще около месяца. Благодарю В. А. Кучкина за консультацию по поводу скорости передвижения княжеских отрядов в этот период.

¹¹ В основе этой цитаты, в свою очередь, лежит цитата из Пс 71: 1–2 (см.: [Прохоров, с. 81]).

великокняжеской летописи мог быть настолько не осведомлен о поступках своего повелителя, чтобы, не найдя подходящих слов для описания его первых шагов во Владимире, прибегать к цитатам¹².

Это наблюдение корреспондируется с тем обстоятельством, что на всем протяжении весьма пространный рассказ Лавр. о событиях 1238–1239 гг. сообщений о действиях самого Ярослава Всеволодовича оказывается крайне мало. Если же говорить о действиях, совершенных им в Суздальской земле, то за два года в Лавр. отмечено всего лишь два таких известия: уже упомянутое сообщение об утверждении его «в своем честном княжении» и последовавшая за этим раздачей княжеских столов братьям – Святославу и Ивану (статья 6746 г.), а кроме того, рассказ о погребении братьями (в данном случае – только Ярославом и Святославом!) погибшего на реке Сити великого князя Юрия Всеволодовича (статья 6747 г.). Все остальное пространство рассказа Лавр. за период со второй половины 1238 по середину 1239 г. занимают, во-первых, пространный панегирик погибшему князю Юрию, фактически являющийся продолжением рассказа о нашествии Батыя, а во-вторых, весьма трафаретные восхваления Господа за избавление русских «от безбожных татарь»¹³.

При этом сами утверждения летописи об избавлении от татар («бысть радость велика христьяном, их же избави Богъ рукою своею крѣпкою от безбожных татарь», «спасенье велико князем нашим, избавиль есть от враг наших», «Богъ избави от руки иноплеменник») выглядят явным анахронизмом. Очевидно, что в ситуации второй половины 1238 – середины 1239 г. было преждевременно писать о таком «избавлении». Тем более сама Лавр. в дальнейшем неоднократно сообщала о нападении татар на русские земли (в частности, о взятии южнорусских городов – Переяславля-Русского, Чернигова, Киева, а также городов Северо-Восточной Руси – Муром, Гороховца и набега татар на «мордовскую землю»), описывала проявления «злобы» татарской и вызванное этим бегство людей от завоевателей и т. д.¹⁴

Более конкретная информация о действиях Ярослава появляется только в самом конце статьи 6747 (1239) г. Однако в этом случае речь идет о действиях князя не в Суздальской земле, а на Юге и Западе Руси. При этом в тех частях летописной статьи, которые касаются событий на Северо-Востоке Руси, князь Ярослав, наоборот, не упоминается. «Того же лѣта татарове взяша Переяславль Рускый, и епископа убиша, и люди избиша, и град пожьгоша огнем, и люди, и полна много вземше, отидоша. *Того же лѣта Ярославъ иде г Каменьцю; град взя Каменьць, а княгину Михайлову со множеством полна приведе в своя си.* Того же лѣта священа бысть церкви Бориса и Глѣба в Кидекшии великим священъем на праздник Бориса и Глѣба священымъ епископомъ Кириломъ. Того же лѣта взяша татарове Черниговъ, князи ихъ выѣхаша въ Угры; а град пожегше, и люди избише, и монастырѣ пограбиша, а епископа Перфурья пустиша в Глуховѣ; а сами идоша в станы своѣ. *Того же лѣта Ярославъ иде Смолинську на Литву, и Литву*

¹² Эта часть летописи в свое время ввела в заблуждение даже такого крупного знатока Лавр., как Ю. А. Лимонов, полагавшего, что действия Ярослава являлись свидетельством существовавших во Владимире мощных вечевых традиций, поскольку, как считал исследователь, заняв княжеский стол, Ярослав Всеволодович первым делом заключил «ряд с городом» (см.: [Лимонов, 1987, с. 128–129]).

¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 467–469.

¹⁴ Там же. Стб. 469–470.

побѣди, и князя ихъ ялъ; а смольняны урядивъ князя Всеволода посади на столе, а сам со множеством полона с великою честью отиде в своя си»¹⁵.

Перечисленные особенности летописного повествования позволяют предположить, что статьи Лавр. за 6746–6747 гг., касающиеся действий Ярослава Всеволодовича на территории Суздальской земли, вероятнее всего, составлялись задним числом, существенно позже описываемых в них событий. При этом составитель Лавр. был гораздо лучше осведомлен о деятельности великого князя далеко за пределами этой территории и одновременно с трудом (в прямом смысле) или со смысловыми ошибками подбирал слова для рассказа об общей ситуации в Суздальской земле и поступках, совершенных Ярославом во Владимире.

Если этот рассказ составлялся задним числом (например, в тот момент, когда его автор мог уверенно рассуждать о свершившемся избавлении «от руки иноплеменник»), есть основания предполагать, что и датировка приезда Ярослава в столицу его новых владений могла быть осуществлена существенно позже. По крайней мере, не синхронно самому прибытию князя во Владимир. А это, в свою очередь, позволяет иначе взглянуть на хронологию действий Ярослава Всеволодовича.

В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что начиная с мартовского 6748 (1240) г. в Лавр. все-таки появляются сообщения о событиях, имевших непосредственное отношение к новому великому князю владимирскому, которые нельзя было бы расставить в произвольном порядке или поменять местами с другими. Под 6748 г. сообщается о том, что у князя Ярослава родилась дочь Мария, а под 6749 (1241) г. – сын Василий¹⁶.

В качестве рабочей гипотезы, способной не только объяснить вышеперечисленные особенности текста Лавр., но и ответить на вопросы, касающиеся похода Ярослава Всеволодовича на Каменец в 1239 г., можно предложить следующее.

Вполне вероятно, что великое княжение в Киеве Ярослав мог утратить вовсе не потому, что вынужден был стремительно покинуть город и уехать во Владимир для того, чтобы занять там освободившийся после гибели старшего брата великокняжеский стол [Горский, 2016, с. 34], а по каким-то иным обстоятельствам, связанным, скорее всего, с продолжающейся междоусобицей в Южной Руси. Судить об этом позволяет сообщение Ипат.: «И потомъ приде Ярославъ Суждальский и взя Киевъ подъ Володимеромъ (имеется в виду князь Владимир Рюрикович. – В. Р.), не мога его держати»¹⁷. Однако после этого, вопреки Ипат., весьма путано излагающей в этом месте хронологию и последовательность событий (достаточно указать на то, что о возвращении Ярослава в Суздальскую землю она сообщает до рассказа о нашествии Батя на Русь), Ярослав Всеволодович, судя по всему, не сразу «иде паки Суждалю». И покинул Южную Русь не в 1237-м, как это может показаться из сообщения Ипат., и не в 1238-м, как это следует из Лавр., а существенно позже. Ведь, утратив власть над «матерью городов русских»,

¹⁵ Там же. Стб. 469. Повторяющееся рефреном указание на возвращение князя «в своя си», возможно, не стоит воспринимать буквально – как указание на то, что Ярослав, совершив тот или иной поход, затем каждый раз прибывал во Владимир. По крайней мере, в случае с походом на Каменец вовсе не очевидно, что Ярослав Всеволодович успел привезти «княгыню Михайлову со множеством полона» в свою новую столицу. Из сообщения Ипат. следует, что вскоре после захвата в плен жены Михаила Черниговского Ярослав поддался на уговоры ее брата Даниила Галицкого и отпустил княгиню на волю (ПСРА. Т. 2. Стб. 782). Успела ли она при этом в составе большого обоза своего обидчика доехать до Владимира и потом оттуда вернуться во владения Даниила – совсем не факт.

¹⁶ ПСРА. Т. 1. Стб. 470.

¹⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 777.

Ярослав необязательно должен был сразу же уехать в Суздальскую землю, а мог оставаться где-то поблизости от Киева еще какое-то время¹⁸.

Если представить, что после гибели старшего брата он не сразу покинул Киевщину и что свой поход на Каменец против Михаила Черниговского (который, согласно Ипат., занял Киев после ухода оттуда Ярослава) он осуществил не из Владимира-на-Клязьме, а с территории Южной Руси, многое встает на свои места.

Во-первых, предлагаемая трактовка объясняет, откуда Ярослав Всеволодович мог взять военные силы для нападения на князя Михаила: вероятнее всего, это была дружина, которая находилась с Ярославом в Киеве (в данном случае войск потребовалось бы существенно меньше, чем если бы он шел на Каменец из Владимира). Во-вторых, проясняются мотивы Ярослава: в пылу междоусобной войны за обладание киевским столом он вполне мог попытаться либо взять реванш над Михаилом Черниговским, либо просто поквитаться со своим давним врагом, в спешном порядке покинувшим Киев, а значит, ставшим более уязвимым. В-третьих, становится ясно, каким образом Ярослав смог столь оперативно отреагировать на бегство своего недруга. Ведь расстояние, которое успел преодолеть обоз Михаила Черниговского после отъезда из Киева, оказывалось примерно в пять-шесть раз меньше (чуть более 200 км – именно такое расстояние разделяет Киев и Каменец), чем путь, который пришлось бы преодолеть Ярославу Всеволодовичу, если бы он отправился из Владимира-на-Клязьме (свыше 1200 км). К тому же если поход Ярослава на Каменец был осуществлен не из Владимира, а с территории Южной Руси, и риск этого мероприятия не выглядит столь неоправданным. Наконец, это объясняет, почему составитель рассказа в Лавр., в котором шла речь о вокняжении Ярослава во Владимире в 1238 г., так странно описывал действия нового правителя Суздальской земли: ему просто не было что рассказать о поступках героя своего повествования.

Однако как эта гипотеза соотносится с тем, что мы знаем о событиях 1239 г.?

«Город Каменѣць взя...»

Считается, что Ярослав отправился в погоню за бежавшим из Киева князем Михаилом Всеволодовичем (косвенно это следует из рассказов и Лавр., и Ипат.)¹⁹, а черниговский князь, в свою очередь, оставил «мать городов русских» уже после того, как татары взяли штурмом Чернигов. Однако ни в Лавр., ни в Ипат. нет точной даты взятия Чернигова татарами ([Майоров, 2009, с. 311]; ср.: [Греков, Якубовский, с. 214]). Позднейшие летописи датируют это событие 18 октября 1239 г.²⁰ Если это так, получается, что из Киева «в Угры» Михаил бежал еще позже – поздней осенью или даже в самом конце 1239 г. [Насонов, с. 232]. Значит, поход Ярослава Всеволодовича на Каменец вряд ли мог состояться раньше этого времени. Исходя из этого,

¹⁸ Возможность того, что «Ярослав Всеволодович вполне мог быть в 1236–1238 гг. или в Киеве (точнее, в какой-либо из великокняжеских резиденций – в Вышгороде или Белгороде, где в подобных случаях отсиживались князья-соправители Киева), или в соседнем Переяславле-Русском, пока в течение года-полтора шла торговля за эти столы» не исключал Р. П. Храпачевский [Храпачевский, с. 217–218]. Между тем Ярослав Всеволодович вполне мог задержаться в этих краях и на более длительный срок. Тем более что Переяславль-Русский не был чужим для князя городом: в юности одиннадцатилетний Ярослав Всеволодович по воле отца княжил в Переяславле-Русском. Лавр. сообщает, что это произошло в 1201 г. Летописец Переяславля Суздальского уточняет: «Ярослав княжил в Руси летъ 7», после чего вернулся к отцу во Владимир (см.: ПСРА. Т. 1. Стб. 416; М., 1995. Т. 41. С. 127; подробнее см.: [Экземплярский, с. 8; Рапов, с. 170]).

¹⁹ Как полагает А. А. Горский, «в Ипатьевской летописи ясно говорится, что Каменец был взят Ярославом после того, как Михаил бежал из Киева в Венгрию; это была погоня» (см.: [Горский, 2016, с. 125, примеч. 165]).

²⁰ Полная дата его взятия сохранилась в Псковской I и Строевском списке Псковской III летописи, а также в западнорусской Летописи Авраамки: «Того же лѣта и Черниговъ взять бысть на осень, месяца октября 18, в вторникъ» (см.: Псковские летописи. М., Л., 1941. Вып. 1. С. 11; М., 1955. Вып. 2. С. 79; ПСРА. М., 2000. Т. 16. Стб. 51). Как полагает В. А. Кучкин, «дата события точная, 18 октября в 1239 г. было вторником» [Кучкин, 2020, с. 16]. Ср.: [Карпов, с. 86, 305, примеч. 13].

исследователи традиционно датируют этот поход поздней осенью или даже зимой 1239–1240 гг. [Горский, 2016, с. 34; Майоров, 2012, с. 49]²¹.

Однако Лавр. дает иную последовательность событий: сначала татары берут Переяславль Русский, затем Ярослав Всеволодович идет на Каменец и пленяет жену Михаила Всеволодовича. После этого следует рассказ об освящении Борисоглебской церкви в Кидекше, уже за этим – рассказ о взятии татарами Чернигова и потом – о походе Ярослава в район Смоленска на «литву»²².

А. В. Майоров, полагая, что рассказ Ипат. «далеко не полный», тем не менее, считает информацию Лавр. вторичной по отношению к Ипат. и больше доверяет той последовательности событий, которая изложена в южнорусской летописи [Майоров, 2012, с. 49]. Примерно так же считает и А. А. Горский, который исходит из того, что в Лавр. «последовательность событий в статье 6747 (1239–40) года не точна: взятие Каменца предшествует захвату татарами Чернигова, между тем из Ипатьевской летописи очевидно, что оно произошло после бегства Михаила из Киева, а Чернигов был взят еще во время пребывания Михаила на киевском столе» [Горский, 2016, с. 34]²³.

Однако является ли такая реконструкция единственно возможной? Во многом ответ на этот вопрос связан с определением того, какая из двух ранних летописей, рассказывающих о нашествии Батые на южнорусские земли, более точно передает последовательность событий – Ипат. или Лавр.?

Несмотря на то что Ипат. отражает взгляд южнорусского книжника, который вроде бы должен был быть более осведомлен о событиях в Переяславле и Чернигове, датировкам Ипат. доверять нельзя. Известно, что погодная сетка в этой части летописи была вставлена в текст составителем Ипатьевского списка начала XV в., то есть задним числом. Отсюда – весьма условная разбивка на даты [Горский, 1990, с. 26]. Однако и последовательность изложения событий в Ипат. не может вызывать доверия. Про рассказ о пребывании Ярослава Всеволодовича в Киеве и возвращении его во Владимир, произошедшем якобы еще до нашествия Батые, речь шла выше. Но и в дальнейшем повествовании Ипат. заметны хронологические нестыковки. Так, например, явно нарушена последовательность событий в рассказе о бегстве Михаила Всеволодовича из Киева «в Угры» и в польские земли. Только этим обстоятельством можно объяснить, почему взятие татарами «матери городов русских» упоминается дважды. Сначала когда сообщается о том, что Михаил «уведевъ прияте Киевское (то есть узнав о взятии Киева татарами. – В. Р.) бежа со сыномъ своимъ во Ляхы Кондратови». И потом – уже после завершения рассказа о похождениях черниговского князя (с весьма характерным указанием: «мы же на преднее возвратимся»), когда Ипат. возвращается к изложению других событий и вновь сообщает о том, что «приде Батый Киеву в силе тяжьце...» и взял штурмом город²⁴.

Поэтому внимательно рассмотрим последовательность событий второй части летописной статьи 6747 (1239) г. в Лавр., тем более что в ней, в отличие от Ипат., есть привязка отдельных событий ко времени. Если доверять сообщениям Лавр., получается, что поход Ярослава на Каменец состоялся после взятия татарами Переяславля Южного и до последующих событий

²¹ Впрочем, само по себе начало похода в зимнее время вызывает определенные вопросы. Особенно если исходить, как делают авторы, из кажущейся нам неправдоподобной версии, согласно которой князь Ярослав Всеволодович выдвигался на Каменец из Владимира (то есть за тысячу с лишним километров) в условиях присутствия монгольских войск на Юге Руси.

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

²³ А. А. Горский сомневается в том, имел ли место смоленский поход Ярослава «на Литву» до или после (как указано в Лавр.) похода на Каменец (см. подробнее: [Горский, 2016, с. 124, примеч. 164]).

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 783–784. На вставной характер текста обратил внимание еще А. А. Шахматов [Шахматов, с. 160–161]; ср.: [Майоров, 2012, с. 44–45].

(освящения Борисоглебской церкви в Кидекше и взятия татарами Чернигова). Про освящение церкви в Кидекше в Лавр. сказано, что оно случилось «на праздник Бориса и Глѣба», то есть 24 июля²⁵. Значит, по версии Лавр., к этому времени Ярослав Всеволодович, скорее всего, должен был быть под Каменцом и, возможно, уже пленил жену бежавшего из Киева Михаила Всеволодовича Черниговского. В этом случае бегство Михаила также должно было произойти примерно в то же время – в промежуток между взятием татарами Переяславля и концом июля 1239 г. Судя по всему, Переяславль был взят 3 марта 1239 г. – именно такая дата содержится в Строевском списке Псковской III летописи. Она имеет полный вид: «Переяславль Руский взятъ бысть в средокрестныя недели в четверг, месяца марта 3»²⁶. Как отмечает В. А. Кучкин в своей недавней статье, посвященной завоеванию Руси Батыем, «3 марта 1239 г. действительно было четвергом средокрестной недели. Несмотря на то, что запись дошла в поздней летописи и касается совсем не псковских событий, ее надо признать достоверной и восходящей к южнорусскому источнику» [Кучкин, 2020, с. 15–16]²⁷. Это не противоречит тому, что Лавр., сообщая о взятии татарами Чернигова, пишет о бегстве черниговских князей: «того же лѣта взяша татарове Черниговъ, князи ихъ выѣхаша въ Угры»²⁸. По крайней мере, из нее не следует, что этот выезд произошел непосредственно *перед* приходом татар к Чернигову, он мог уже произойти *к этому времени*, то есть состояться несколько *раньше*.

Но это, казалось бы, противоречит сообщению Ипат., в которой о бегстве Михаила из Киева «в Угры» рассказывается *сразу* за сообщением о взятии Чернигова и после известия о приезде под Киев Менгу-хана и отправке им послов к Михаилу Всеволодовичу. Так ли это?

Обратимся к фрагменту Ипат., в котором идет речь о взятии татарами южнорусских городов. «Батыеви же вземшю Козлескъ, и поиде в землю Половецкую. Оттуда же *поча посылати на грады русьские* и взять град Переяславль... *В то же время* посла на Черниговъ... *Меньгуканови же пришедшу сглядать града Києва*. Ставшу же ему на оной стране Днепра во Градъка Песочного, видивъ град, удивися красоте его и величеству его, присла послы свои к Михаилу и ко гражаномъ, хотя е прельстити, и не послушаша его... *Михаиль бежа по сыну своемъ передъ татары Угры, а Ростиславъ Мъстиславичъ Смоленского седе Києве*»²⁹.

Вопреки устоявшемуся мнению, текст летописи позволяет предположить, что в данном случае Ипат. повествует о событиях, происходящих *не последовательно* друг за другом, а почти *одновременно*. Именно так можно интерпретировать слова летописца о том, что Батый после взятия Козельска «поча посылати на *грады русьские*», то есть направлять отряды *сразу* в *разные* части Южной Руси. Это подтверждается и в рассказе о взятии Чернигова, который следует за сообщением о взятии Переяславля и начинается с указания летописца на то, что отправка татарского отряда к Чернигову происходила «*в то же время*». Построение фразы «Меньгуканови же...» также позволяет прочесть ее таким образом, что приезд Менгу под Киев и отправка им послов к сидевшему в городе Михаилу Черниговскому (собственно, и спровоцировавшая бегство князя), вполне могли произойти примерно тогда же.

Но мог ли Менгу оказаться в середине 1239 г. под стенами Киева? На первый взгляд, это противоречит содержащейся в источниках информации относительно времени пребывания Менгу на Юге Руси и в Половецкой степи, а также установившимся в науке представлениям.

²⁵ ПСРА. Т. 1. Стб. 469. Речь, скорее всего, идет именно о 24 июле как дне памяти святых князей, а не 2 мая – дне перенесения их мощей. В домонгольский период именно день летнего поминовения князей-страстотерпцев, судя по всему, был гораздо более распространен, чем остальные (см. подробнее: [Назаренко, Серегина, Турилов]).

²⁶ Псковские летописи. Вып. 2. С. 79; ПСРА. Т. 16. Стб. 51.

²⁷ Ранее В. А. Кучкин полагал, что взятие Переяславля татарами следует датировать летом 1239 г. [Кучкин, 2010, с. 113], ср.: [Горский, 2018, с. 31].

²⁸ ПСРА. Т. 1. Стб. 469.

²⁹ ПСРА. Т. 2. Стб. 781–783.

Так Р. Г. Храпачевский, опираясь на данные Рашид ад-Дина, полагает, что разведывательный поход к Киеву не мог быть осуществлен ранее начала 1240 г.: «поскольку Мэнгу осаждал аланскую крепость еще в начале 1240 г., то он подошел к Киеву не ранее февраля-марта 1240 г.» [Храпачевский, с. 227–228]. Но он мог подойти к Киеву и до начала осады аланской крепости, и эту возможность нельзя сбрасывать со счетов.

Между тем установить точное время приезда Менгу к Киеву по составленному в начале XIV в. «Сборнику летописей» можно только гипотетически, поскольку о самом походе на Киев Рашид ад-Дин не сообщает. Датировка событий в сочинении персидского историка осуществлялась по монгольскому летосчислению («год собаки», «год свиньи», «год мыши» и т. д.), не совпадающему с мусульманским. В итоге целый ряд событий, отнесенных к тому или иному году, очевидно, выходил за хронологические рамки этих лет. Например, когда после завоевания Северо-Восточной Руси татары вернулись в свои кочевья для отдыха, и затем «в нокай-ил, год собаки, соответствующий 635 г. х. [24 августа 1237 – 13 августа 1238 г. н. э.], осенью Менгу-каан и Кадан выступили в поход против черкесов и зимой убили тамошнего государя по имени Тукара»³⁰.

Если иметь в виду, что описанные события происходили уже после монгольского похода на Суздальскую землю, то получается, что речь, судя по всему, шла уже о событиях осени 1238 и зимы 1238–1239 гг., которые выходили за рамки «года собаки», но никак не зимы 1237–1238 гг., когда татары только приступали к завоеванию русских земель. То же самое касается и следующего года. «В кака-ил, год свиньи, соответствующий 636 г. х. [14 августа 1238 – 2 августа 1239 г. н. э.], Гуюк-хан, Менгу-каан, Кадан и Бури направились к городу Минкас (имеется в виду аланская крепость Магас. – В. Р.) и зимой, после осады, продолжавшейся один месяц и пятнадцать дней, взяли его. Они были еще заняты тем походом, когда наступил год мыши, 637 г. х. [3 августа 1239 – 22 июля 1240 г. н. э.]» [Храпачевский, с. 225–227]. В этом контексте речь, видимо, идет о зиме 1239–1240 гг., а не 1238–1239 гг.³¹ Как справедливо указывает А. Ю. Карпов, «уже в ноябре-декабре 1239 г. Менгу начал осаду Магаса, продолжавшуюся до февраля 1240 г. Следовательно, для его действий у Киева остается лишь лето и самое начало осени 1239 г.»³².

Совокупность факторов позволяет предположить, что Ярослав Всеволодович вполне мог напасть на обоз Михаила и захватить в плен его жену не в конце 1239 – начале 1240 г., а существенно раньше – спустя какое-то время после взятия татарами Переяславля Южного и до освящения 24 июля 1239 г. Борисоглебской церкви в Кидекше и взятия татарами Чернигова. То есть в конце лета – самом начале осени 1239 г.³³ Скорее всего, именно из района Каменца Ярослав двинулся на Смоленск³⁴, результатом чего стала его победа над «литвой» и замена смоленского князя на более лояльного Ярославу – Всеволода Мстиславича³⁵. Не исключено

³⁰ Золотая Орда в источниках. М., 2003. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. С. 407–408.

³¹ Там же. Подробнее см.: [Карпов, с. 304, примеч. 4].

³² При этом А. Ю. Карпов полагает, что «относить его (Менгу. – В. Р.) поход на Киев к 1240 г. тоже нельзя, поскольку именно 1239 г. Лавр. датирует поход Ярослава к Каменцу, а этот поход последовал за бегством Михаила из Киева» [Карпов, с. 305, примеч. 15].

³³ Биограф Михаила Черниговского Мартин Димник придерживался схожих представлений о хронологии событий. По его мнению, «Михаил с женой были в Каменце... некоторое время между 3 марта (когда произошло взятие татарами Переяславля. – В. Р.) и падением Чернигова 18 октября 1239 года. Великий князь Ярослав, зная об этом визите, напал на Каменец, захватив жену Михаила и многих его бояр, но Михаил бежал и, похуже, вернулся в Киев» (см. подробнее: [Dimnik, 1981, p. 83–84]).

³⁴ Это не исключал и Дж. Феннел [Феннел, с. 139].

³⁵ ПСРА. Т. 1. Стб. 469. Указания в Лавр. на то, что и после похода на Каменец, и после победы над Литвой князь отходил «в своя си», скорее всего, стоит рассматривать как речевой оборот: едва ли в обоих случаях он возвращался в исходную точку походов. Иначе великий князь владимирский вряд ли смог бы в один и тот же год («того же лета») успеть осуществить столь дальние походы (их общая протяженность в этом случае должна была бы составить более 4000 км).

также, что, только завершив эти два похода, а заодно уладив матримониальные дела своего сына³⁶, он пришел во Владимир, чтобы занять пустовавший с марта 1238 г. великокняжеский стол. Это означает, что в действительности утверждение Ярослава Всеволодовича на главном столе Северо-Восточной Руси, действительно, могло произойти не летом 1238 г., как принято считать, а существенно позже – в конце 1239-го или даже в самом начале 1240 г.

Если эта версия верна, то, вероятнее всего, поход на Каменец стал последней точкой на этом этапе борьбы Ярослава Всеволодовича за власть над «матерью русских городов». Следующий этап борьбы князя за Киев завершится более успешно в 1243 г., когда, получив старейшинство в Русской земле с санкции Батыея, Ярослав пришлет в Киев своего наместника³⁷.

Дуумвират Всеволодовичей?

Но если Ярослав появился во Владимире только на рубеже 1239–1240 гг., кто правил Владимирским княжеством в период с марта 1238 г.? Судя по всему, только следующий по старшинству брат – Святослав Всеволодович, княживший в это время неподалеку, в Юрьеве.

Если верить версии сражения на реке Сити, изложенной в Лавр. (в рассказах о нашествии двух других ранних летописей – НПЛ и Ипат. – юрьевский князь в этом контексте не упоминается), Святослав, в отличие от Ярослава Всеволодовича, все-таки пришел на помощь старшему брату – Юрию. Великий князь Юрий Всеволодович погиб, но Святослав каким-то образом избежал смерти, а значит, после отхода татарских войск находился где-то поблизости. Возможно, какое-то время после нашествия Батыея в Суздальской земле ничего не было известно о судьбе Ярослава. В этой ситуации именно его младший брат Святослав Всеволодович – как старший в роду правителей Суздальской земли – мог выдвинуться на первые роли. Особый статус Святослава проявился в том, что только он в Лавр. назван вместе с Ярославом участником перезахоронения останков князя Юрия Всеволодовича («Ярослав же, и Святославъ, и князи рустии плакахуся по нем с дружиною своею»)³⁸.

Косвенно особое положение Святослава в этот период подтверждается и тем, что, согласно Лавр., после вокняжения Ярослава Всеволодовича во Владимире именно Святослав получил Суздаль, который до этого, судя по всему, входил в доменное владение самого великого князя и, по сути, являлся едва ли не вторым по значимости (после стольного Владимира) городом «державы Всеволодовичей».

В свое время В. А. Кучкин отмечал необходимость «выяснить, что означала передача Суздаля Святославу Всеволодовичу». Однако в рамках своей работы исследователь выяснял лишь «был ли Суздаль дан Святославу вместо Юрьева или же он был придан к Юрьеву» [Кучкин, 1984, с. 110]. Между тем еще А. Е. Пресняков рассматривал Суздаль как какое-то особое владение Святослава, полученное им в качестве наследника владимирского великого княжения. При этом исследователь полагал, что «сама передача Святославу Суздаля могла быть связана с рядом между братьями о будущей судьбе великокняжеского стола»

³⁶ Вполне возможно, что во время похода против «литвы» Ярослав Всеволодович достиг договоренности о браке дочери полоцкого князя Брючислава с сидевшим в Великом Новгороде сыном – князем Александром Ярославичем. Согласно Новгородской первой летописи старшего извода (далее – НПЛ), молодожены венчались в Торопце, а сами торжества, вероятно, проходили в Новгороде («оженися князь Олександръ, сынъ Ярославъ в Новѣ-городѣ, поя в Полотъскѣ у Брючъслава дчерь, и вѣнчаса в Торопчи; ту кашю чини, а в Новѣгородѣ другую») (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950. С. 77, 289). Нельзя исключить, что князь Ярослав Всеволодович мог принимать самое деятельное участие в этих торжествах. Если это так, то он отсутствовал в своих новых владениях вплоть до начала 1240 г., приехав туда из Новгородской земли (о том, что князь прибыл из Новгорода, сообщается в ряде памятников позднего летописания; см. подробнее: [Горский, 1990, с. 30–32]).

³⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 806.

³⁸ ПСРА. Т. 1. Стб. 467. Третий оставшийся на тот момент в живых брат – правивший в Стародубе князь Иван Всеволодович – скорее всего, принимал участие в траурных мероприятиях в числе других «князей русских», чей статус, с точки зрения летописца, был ниже, чем статус Ярослава и Святослава.

[Пресняков, с. 54–55]. Дж. Феннел также полагал, что Святослав получил Суздаль «в знак его старейшинства» [Феннел, с. 137]. Этой же точки зрения придерживается и А. А. Горский. Он полагает, что Суздаль, который был «своеобразным символом земли (она по-прежнему в то время называлась “землей Суздальской”, а сокращенно – просто “Суздадем”», был передан Святославу Всеволодовичу как «следующему по старшинству князю, который должен был наследовать после Ярослава великое княжение» [Горский, 2020, с. 32]. Между тем остается открытым вопрос о том, почему Ярославу Всеволодовичу понадобилось нарушить порядок, установленный старшим братом Юрием, закрепившим Суздаль во владениях великого князя. А также почему сыновья Ярослава, когда в 1248 г. пришли к власти во Владимире, отменили решение своего отца, фактически отняв Суздаль у Святослава, судя по всему, свергнутого их братом Михаилом Хоробритом с великого княжения³⁹. В рамках существующих представлений о времени появления Ярослава Всеволодовича во Владимире сколько-нибудь удовлетворительные ответы на эти вопросы так и не были найдены.

Однако если исходить из того, что выделение суздальского стола Святославу Всеволодовичу произошло не в середине 1238 г., а на рубеже 1239–1240 гг., многое встает на свои места. В этом случае сама по себе передача Суздаля младшему брату выглядит как знак благодарности со стороны Ярослава Всеволодовича, таким способом отплатившего Святославу за то, что тот уступил ему великокняжеский стол, де-факто занимаемый им с марта 1238 г. Это можно также интерпретировать как попытку своеобразного распределения территорий между братьями-соправителями, один из которых – Святослав – в ожидании возвращения старшего брата управлял в том числе и Суздадем на правах «врио» великого князя. Иными словами, передача Суздаля может рассматриваться как признание Ярославом особого статуса Святослава, который на протяжении почти двух лет был «первым среди равных» во Владимиро-Суздальской Руси.

Видимо, именно с правлением Святослава Всеволодовича следует связывать поновление и освящение («великое священие», как характеризует событие Лавр.) храма Свв. Бориса и Глеба в Кидекше⁴⁰.

Н. С. Борисов справедливо заметил, что «реставрация и украшение одиноко стоящего в покинутой княжеской резиденции храма при отсутствии сведений о восстановлении других более значительных и, бесспорно, поврежденных памятников кажется несколько неожиданной. Объяснение следует искать в междукняжеских отношениях этих лет» [Борисов, с. 65].

Култ свв. Бориса и Глеба имел в Ростовской земле особое звучание⁴¹. Имена стратотерпцев носили юные князья Васильковичи – восьмилетний Борис и двухлетний (или трехлетний) Глеб⁴². Култ святых активно поддерживался и вдовой погибшего на реке Сити Василька Константиновича – княгиней Марией Михайловной [Лихачев, с. 286]. Поэтому вполне вероятно, что инициатива обновления Борисоглебского храма в Кидекше могла исходить либо от самого епископа Кирилла, либо от всего ростовского княжеского клана. Между тем Кидекша, расположенная в 4 км от Суздаля, не входила в состав родовых владений ростовских князей. Не входила она и в состав Ростовской епархии, а значит, епископ Кирилл, оставшись единственным спасшимся от гибели архиереем Суздальской земли, мог действовать

³⁹ О действиях Михаила Хоробрита в отношении дяди см.: ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1. С. 229; М., 2000. Т. 10. С. 136–137. Рогожский летописец приписывает эти действия брату Хоробрита, князю Андрею Ярославичу (см.: ПСРЛ. М., 2000. Т. 15. Стб. 31).

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469.

⁴¹ Там же. Стб. 438, 442.

⁴² О рождении князя Бориса Васильковича в 1231 г. сообщает Лавр., дата рождения его младшего брата Глеба Васильковича (1236 или 1237 г.) высчитывается на основании сообщения Никоновской летописи о том, что в 1278 г. князь умер в возрасте 41 года (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 457; Т. 10. С. 156).

в нарушение принятых норм освящения храмов [Корогодина, с. 139–141] только с позволения того, кто в этот момент правил в Суздале.

По мнению исследовавшей вопрос М. В. Корогодиной, поновление сравнительно небольшой церкви в Кидекше было отнюдь не рядовым событием в церковной жизни Северо-Восточной Руси. Сам факт «великого священия» (то есть повторного торжественного освящения одного из главных храмов епархии, имеющего функции архиерейского собора) ростовским епископом Кириллом свидетельствовал о намерении последнего придать этой церкви статус главного храма оказавшихся де-факто объединенными под его властью Ростовской и Владимирской епархий [Корогодина, с. 141–146].

Между тем об участии великого князя Ярослава Всеволодовича в этом важнейшем для Суздальской земли событии летописи (и, прежде всего, Лавр.) ничего не сообщают. Судя по контексту летописного известия Лавр., освящение храма с участием ростовского епископа Кирилла происходило в тот момент, когда Ярослав находился вдали и от Владимира, и от Ростова, и от Суздаля⁴³. Скорее именно его отсутствие (причем не просто кратковременный отъезд, а долгосрочное отсутствие) позволило осуществить это мероприятие. Если бы Ярослав Всеволодович в это время находился в Суздальской земле, он вполне мог бы не поддерживать такую инициативу, исходящую из Ростова. По крайней мере, отношения между ним и главой ростовского княжеского клана – княгиней Марией Михайловной – в этот период должны были быть более чем натянутыми. Ведь последняя являлась дочерью черниговского князя Михаила Всеволодовича, против которого, если верить сообщениям Лавр. и Ипат., и был направлен недавний поход великого князя Ярослава, завершившийся пленением «княгини Михайловой», она приходилась не только матерью самой Марии, но и бабушкой – юным князьям Борису и Глебу⁴⁴.

Можно предположить, что в момент «великого священия» храм Бориса и Глеба находился на территории, контролируемой князем Святославом Всеволодовичем. Вероятнее всего, в отсутствие Ярослава Всеволодовича, будучи его «врио», Святослав был заинтересован в поддержке со стороны ростовского клана во главе с вдовой Василька Константиновича, которая, в свою очередь, опиралась на епископа Кирилла – де-факто главу всей церковной организации Владимиро-Суздальской Руси⁴⁵. В этой связи поддержку Святославом или даже его участие в обновлении и освящении храма Свв. Бориса и Глеба можно рассматривать как недвусмысленный шаг в сторону консолидации двух ветвей потомков Всеволода Большое Гнездо.

Показательно, что, когда после смерти Ярослава в 1246 г. Святослав – теперь уже не в качестве «врио», а де-юре, по праву старшего в роду – сам занял великокняжеский стол, Суздаль, судя по всему, продолжал оставаться под его властью, став частью находившегося в то время в его руках великокняжеского домена. Вскоре это ударило по самому Святославу: изгнавший в 1248 г. дядю с владимирского великого княжения сын Ярослава Всеволодовича

⁴³ А. В. Майоров полагает, что к освящению храма имел отношение и Ярослав Всеволодович [Майоров, 2012, с. 49–50]. Но источники не содержат на этот счет никаких сведений. Было бы странно, если бы великий князь в действительности участвовал в этом важном мероприятии, а его летописец не отметил это обстоятельство, упомянув лишь епископа Кирилла. Недоразумением также следует считать и предположение Д. Г. Хрустаева о том, что на освящении церкви в Кидекше «должен был присутствовать сам князь» Ярослав [Хрустаев, с. 167].

⁴⁴ Судя по всему, даже находясь в Ростове, княгиня Мария поддерживала тесные отношения с отцом. По крайней мере, в 1246 г. в свою первую поездку в Орду (ставшую, как оказалось, последней) Михаил Черниговский взял с собой 15-летнего внука – ростовского князя Бориса. Вряд ли это могло быть сделано иначе, как с благословения матери 15-летнего Васильковича. При этом Лавр. сообщает именно о совместной поездке деда и внука: «Михайло князь Черниговський со внуком своимъ Борисом поѣхаша в Татары» (ПСРА. Т. 1. Стб. 471).

⁴⁵ О том, что «ростовская епископия оставалась единственной епископией в пределах всей Ростово-Суздальской земли, и Ростов, таким образом, сделался снова церковным центром всего края», в свое время писал еще А. Н. Насонов [Насонов, с. 244].

Михаил Хоробрит не дал возможности Святославу вернуться в Суздаль. Пришедшие к власти во Владимире после гибели Хоробрита в том же 1248 г. его братья – Александр и Андрей Ярославичи, не будучи, в отличие от отца, чем-либо обязанными своему дяде, также не позволили Святославу княжить в Суздале. По выражению А. Е. Преснякова, князю «пришлось доживать свой век в Юрьеве Польском» [Пресняков, с. 54–55, примеч. 3]⁴⁶: в результате конфликта с племянниками он утратил Суздаль вместе с великим княжением.

В особом статусе Святослава можно усмотреть следы своеобразного «дуумвирата Всеволодовичей», который вполне мог существовать, по крайней мере, в первое время после вступления Ярослава в права великого князя владимирского. А может быть, и дольше. Ведь Ярославу Всеволодовичу и после возвращения во Владимир-Суздальскую Русь приходилось надолго покидать свои владения – так, например, в 1243-м он ездил в Сарай к Батью, от которого вернулся «с великою честью», став, по воле хана, старейшим «всѣм князем в Русском языцѣ», а в 1245–1246 гг. вновь был в его ставке, откуда был отправлен дальше – в Каракорум для участия в церемонии возведения на императорский престол хана Гуюка (из этой поездки ему уже не суждено было вернуться живым)⁴⁷. Получается, что за шесть с половиной лет (от момента предполагаемого появления Ярослава Всеволодовича во Владимире зимой 1240 г. и вплоть до смерти великого князя по дороге из Каракорума осенью 1246 г.) около двух лет он провел вне пределов подконтрольных ему территорий Северо-Восточной Руси⁴⁸. Вполне логично предположить, что и в это время Ярослава кто-то замещал, и этим человеком также почти наверняка был его младший брат Святослав Всеволодович, который к этому моменту уже получил соответствующий его новому фактическому статусу суздальский стол.

Откуда же взялись в Лавр. сообщения за 1238–1239 гг., связанные с деятельностью Ярослава Всеволодовича во Владимире? Вероятнее всего, потомкам великого князя (либо его сыновьям, либо внукам) было невыгодно представлять дело таким образом, что в промежуток между правлением Юрия и Ярослава великокняжеский стол во Владимире какое-то время де-факто занимал князь Святослав Всеволодович. Тем более что последний после смерти Ярослава – теперь уже де-юре – ненадолго все-таки занял его место. В этой ситуации у потомков Ярослава Всеволодовича были все основания, чтобы подправить не вполне удобную им историю перехода великокняжеской власти от Юрия Всеволодовича к Ярославу, которая явно не добавляла легитимности действиям самих Ярославичей в отношении свергнутого ими Святослава. В итоге упоминания о событиях, так или иначе касавшихся замещения Святославом Всеволодовичем отсутствовавшего во Владимире Ярослава, могли быть исключены из владимиро-суздальской

⁴⁶ Как полагает В. А. Кучкин, «с Суздальским княжеством Святослав Всеволодович мог расстаться или в 1247 г., когда, став великим князем, он уступил его одному из своих племянников, или в 1248 г., когда он потерял Владимирское княжение» [Кучкин, 1984, с. 112].

⁴⁷ ПСРА. Т. 1. Стб. 470–471.

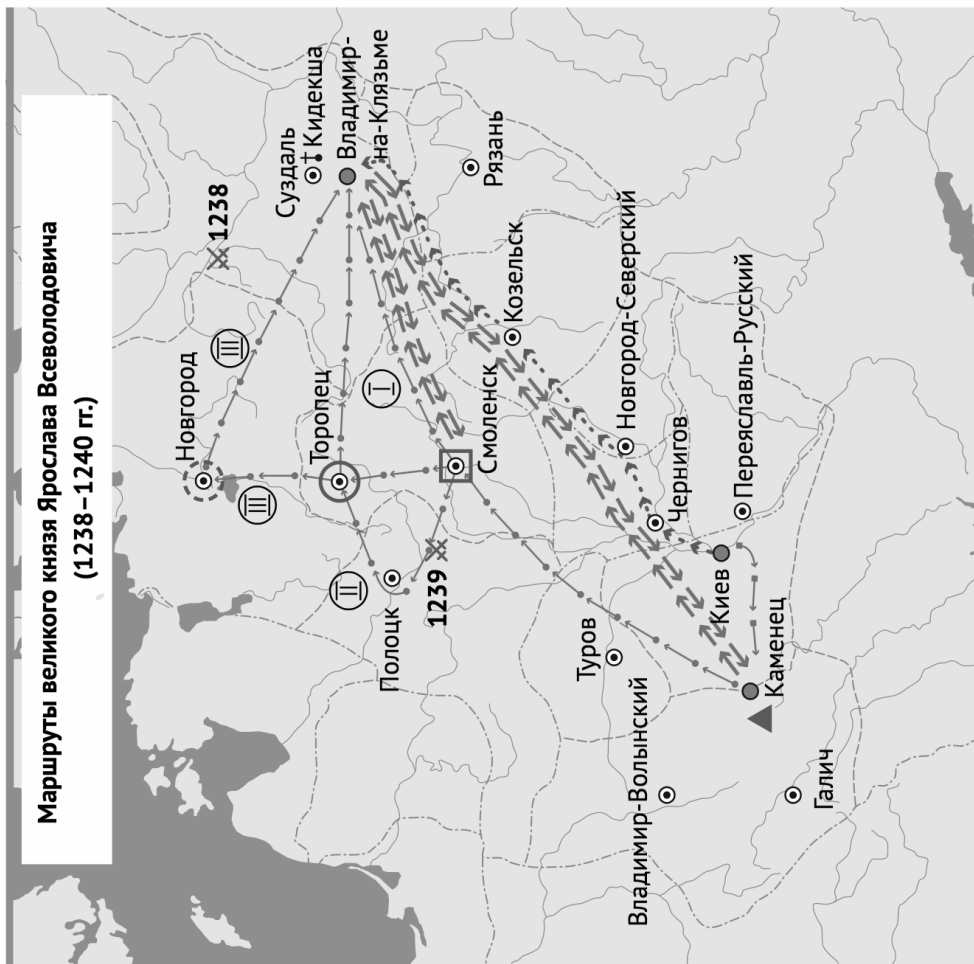
⁴⁸ По расчетам Ю. В. Селезнева, поездки в ставку Батю в среднем могли занимать у князей около полугода, если же речь шла о визите в столицу империи, временные границы таких поездок могли раздвигаться до полутора лет [Селезнев, с. 160–161]. Получается, что за пять с половиной лет (от момента предполагаемого появления во Владимире, то есть с зимы 1240 г., и вплоть до смерти великого князя по дороге из Каракорума осенью 1246-го) около двух лет Ярослав Всеволодович провел вне пределов Северо-Восточной Руси. Вполне логично предположить, что и в это время Ярослава кто-то замещал, и этим человеком также почти наверняка был его младший брат, который к тому моменту уже получил соответствующий его новому фактическому статусу суздальский стол. Тем более что в опустошенном нашествием Владимире, вероятнее всего, было не так много людей, способных замещать отсутствующего правителя: лица из ближайшего окружения Юрия Всеволодовича погибли, а представители нового князя Ярослава вряд ли располагали для этого достаточным влиянием.

летописи⁴⁹. Что же касается поступков самого Ярослава Всеволодовича, якобы совершенных им в этот период на территории его новых владений, то соответствующие сообщения могли быть вписаны задним числом. Частично – путем переноса на эти даты рассказов о событиях последующих лет (например, о распределении княжеских столов и о перезахоронении останков Юрия), частично – путем создания при помощи цитат из предшествующего летописного материала той же Лавр. нового текста.

Итак, вопреки существующей трактовке событий, Ярослав Всеволодович смог оказаться во Владимире не вскоре после гибели старшего брата Юрия на реке Сити (1238 г.), а существенно позже – на рубеже 1239–1240 гг. По крайней мере, в первой половине 1239 г. он находился вблизи Киева, откуда совершил поход на своего соперника – великого князя Михаила Всеволодовича, нагнал его обоз у города Каменец и взял в плен его жену, а затем двинулся на Смоленск и уже оттуда – в сторону Владимира. Судя по всему, все это время во Владимиро-Суздальской Руси правил младший брат Ярослава – Святослав Всеволодович. Однако, даже оказавшись во Владимире и заняв великокняжеский трон, Ярослав Всеволодович не отказался от надежды вернуть контроль над «матерью городов Русских». Кто знает, возможно, в этот момент великий князь ставил перед собой весьма амбициозную цель – распространить свою власть сразу на три наиглавнейших центра тогдашней Руси: Киев, Владимир и Новгород (в последнем в это время правил его сын Александр Ярославич). Если это так, то планам Ярослава суждено было сбыться в 1243 г., когда по воле хана он был провозглашен «старейи всем князем в Русском языке»⁵⁰. Вероятно, в этот период цели великого князя совпадали с планами правителя Улуса Джучи. Заинтересованный в том, чтобы все русские земли находились под контролем одного и при этом вполне лояльного правителя, хан сделал ставку на Ярослава.

⁴⁹ В свое время Ю. А. Лимонов предположил наличие в Лавр. следов отдельного суздальского летописного свода, попавшего туда в период кратковременного великого княжения князя Святослава Всеволодовича (1246–1248 гг.). «Политическая направленность свода заключается в утверждении прав Святослава на владимирский стол, – писал Ю. А. Лимонов. – С этой целью и были привлечены суздальский источник и личный Летописец князя. Оба источника в известной степени дополняли друг друга. Если некоторые сообщения суздальского памятника весьма критически освещали роль предшественника Святослава на великом княжении, Ярослава, то известия княжеского Летописца значительно оттеняли личность нового великого князя» [Лимонов, 1967, с. 178]. Некоторые следы этой работы, как полагал Ю. А. Лимонов, возможно, подверглись последующей правке политическими соперниками Святослава – потомками его брата Ярослава Всеволодовича [Лимонов, 1967, с. 174–178].

⁵⁰ ПСРА. Т. 1. Стб. 470.

Маршруты великого князя Ярослава Всеволодовича (1238–1240 гг.)

Традиционная трактовка:

- >--> Маршрут из Киева во Владимир-на-Клязьме (1238 г.)
- ↔↔ Походы на Каменец и Смоленск из Владимира-на-Клязьме и обратно (1239 г.)

Предлагаемая трактовка:

- ↔↔ Поход на Каменец из окрестностей Киева (1239 г.)
- ↔↔↔ Дальнейшие возможные варианты движения в сторону Владимира-на-Клязьме:
 - Ⓜ через Смоленск
 - Ⓜ через Смоленск–Полоцк–Торопец
 - Ⓜ через Смоленск–Торопец–Новгород

Другие события 1238–1239 гг.

- ✂ 1238 Место гибели вел. кн. Юрия Всеволодовича на реке Сити (март 1238 г.)
- ✂ 1239 Примерное место сражения вел. кн. Ярослава Всеволодовича с «литвой» (1239 г.)
- ▲ Место нападения на обоз вел. кн. Михаила Всеволодовича Черниговского и захват в плен его жены
- Ⓜ Утверждение на княжеском столе князя Всеволода Мстиславича
- Ⓜ Место венчания князя Александра Ярославича и дочери полоцкого князя Брячислава (1239 г.)
- Ⓜ Место свадебных торжеств по случаю венчания князя Александра Ярославича и дочери полоцкого князя Брячислава (1239 г.)
- † Освящение храма Бориса и Глеба в Кидекше (1239 г.)

Литература

- Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии: география начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1873. 269 с.
- Борисов Н. С. Русская архитектура и монголо-татарское иго (1238–1300) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1976. № 6. С. 63–79.
- Бородихин А. Ю. Цикл повестей о нашествии Батые в летописях и летописно-хронографических сводах XIV–XVII вв. Машинопись. Новосибирск, 1989. 250 с.
- Горский А. А. Проблемы изучения «Слова о погибели Русских земли» (к 750-летию со времени написания) // ТОДРА. Л., 1990. Т. 43. С. 18–38.
- Горский А. А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. 392 с.
- Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016. 185 с.
- Горский А. А. Установление взаимоотношений Монгольской империи и Руси: казус Ярослава Всеволодовича // Исторический вестник. М., 2018. Т. 25. С. 30–39.
- Горский А. А. Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // Российская история. 2020. № 4. С. 31–37. DOI 10.31857/S086956870010768-5
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. 508 с.
- Грушевський М. С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ, 1991. 541 с.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1992. Т. 4. 480 с.
- Карпов А. Ю. Батый. М., 2011. 347 с.
- Корогодина М. В. «Великое священие» и Борисоглебская церковь в Кидекше // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 3 (85). С. 139–146. DOI 10.25986/IRI.2021.85.3.011
- Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. 184 с.
- Котляр Н. Ф. Галицко-Волынская летопись. Тексты. Комментарии. Киев, 2005. 424 с.
- Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. 349 с.
- Кучкин В. А. Александр Невский – правитель и полководец // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 101–128.
- Кучкин В. А. Завоевание Руси Батыем // Российская история. 2020. № 4. С. 3–30. DOI 10.31857/S086956870010767-4
- Лимонов Ю. А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967. 199 с.
- Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1987. 213 с.
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. 499 с.
- Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. 639 с.
- Майоров А. В. Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментария к Галицко-Волынской летописи) // ТОДРА. СПб., 2009. Т. 60. С. 311–326.
- Майоров А. В. Повесть о нашествии Батые в Ипатьевской летописи. Часть вторая // Rossica Antiqua. 2012. № 2 (6). С. 43–113.
- Майоров А. В. Завоевание русских земель в 1237–1240 гг. // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 89–113.
- Назаренко А. В., Серегина Н. С., Турилов А. А. Борис и Глеб // ПЭ. М., 2003. Т. 6. С. 44–60.
- Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси // Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2006. С. 215–345.
- Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. Пг., 1918. 459 с.
- Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. 325 с.
- Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРА. Л., 1974. Т. 28. С. 77–98.
- Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. 261 с.
- Рудаков В. Н. Великий князь Ярослав Всеволодович в годы нашествия Батые // Тетради по консерватизму. 2020. № 3. С. 411–436.

- Селезнев Ю. В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV веках. Воронеж, 2013. 470 с.
- Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 2. 765 с.
- Феннел Дж. Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989. 296 с.
- Храпачевский Р. П. Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М., 2011. 260 с.
- Хрусталева Д. Г. Русь от нашествия до «ига». СПб., 2008. 380 с.
- Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. Ч. 332. № 11. Ноябрь. С. 135–200.
- Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1. 474 с.
- Dimnik M. Kamenec // *Russia mediaevalis*. Munchen, 1979. Т. 4. P. 25–34.
- Dimnik M. Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev. 1224–1246. Toronto, 1981. 199 p.

References

- Barsov, N. P. Oчерki russkoi istoricheskoi geografii: geografiya nachal'noi (Nestorovoi) letopisi [Essays on Russian Historical Geography: The Geography of the Initial (Nestor's) Chronicle]. Warsaw, 1873. 269 p.
- Borisov, N. S. Russkaya arkhitektura i mongolo-tatarskoe igo (1238–1300) [Russian Architecture and the Mongol-Tatar Yoke (1238–1300)]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 1976. No. 6. Pp. 63–79.
- Borodikhin, A. Yu. Tsikl povestei o nashestvii Batyya v letopisyakh i letopisno-khronograficheskikh svodakh XIV–XVII vv. [A Cycle of Stories about the Invasion of Batu in the Annals and Chronographic Chronicles of the 14th – 17th Centuries]. Typescript. Novosibirsk, 1989. 250 p.
- Dimnik, M. Kamenec. In *Russia mediaevalis*. Munchen, 1979. Т. 4. Pp. 25–34.
- Dimnik, M. Mikhail, Prince of Chernigov and Grand Prince of Kiev. 1224–1246. Toronto, 1981. 199 p.
- Ekzemplarskii, A. V. Velikie i udel'nye knyaz'ya Severnoi Rusi v tatarskii period, s 1238 po 1505 g. [Great and Appanage Princes of Northern Rus in the Tatar Period, from 1238 to 1505]. Saint Petersburg, 1889. Vol. 1. 474 p.
- Fennel, Dzh. Krizis srednevekovoi Rusi. 1200–1304 [The Crisis of Medieval Rus. 1200–1304]. Moscow, 1989. 296 p.
- Gorskii, A. A. Problemy izucheniya “Slova o pogibeli Russkyya zemli” (k 750-letiyu so vremeni napisaniya) [Problems of Studying the “Slovo about the Destruction of the Russian Land” (To the 750th Anniversary of the Time of Writing)]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Leningrad, 1990. Vol. 43. Pp. 18–38.
- Gorskii, A. A. Rus'. Ot slavyanskogo rasseleniya do Moskovskogo tsarstva [Rus. From the Slavic Resettlement to the Muscovite Kingdom]. Moscow, 2004. 392 p.
- Gorskii, A. A. Russkie zemli v XIII–XIV vekakh: puti politicheskogo razvitiya [Russian Lands in the 13th – 14th Centuries: Ways of Political Development]. Saint Petersburg, 2016. 185 p.
- Gorskii, A. A. Ustanovlenie vzaimootnoshenii Mongol'skoi imperii i Rusi: kazus Yaroslava Vsevolodovicha [The Establishing of Relations between the Mongol Empire and Medieval Rus': The Case of Yaroslav II Vsevolodich]. In *Istoricheskii vestnik*. Moscow, 2018. Vol. 25. Pp. 30–39.
- Gorskii, A. A. Nasledovanie velikogo knyazheniya v seredine XIII v., Batyi i machekha Aleksandra Nevskogo [Inheritance of a Great Reign in the mid 13th Century, Batu and Stepmother of Alexander Nevsky]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2020. No. 4. Pp. 31–37. DOI 10.31857/S086956870010768-5
- Grekov, B. D., Yakubovskii, A. Yu. Zolotaya Orda i ee padenie [The Golden Horde and Its Fall]. Moscow; Leningrad, 1950. 508 p.
- Grushevs'kii, M. S. Naris istorii Kiiivs'koi zemli vid smerti Yaroslava do kintsya XIV storichyaya [Essay on the History of the Kievan Land from the Death of Yaroslav to the End of the 14th Century]. Kyiv, 1991. 541 p.
- Karamzin, N. M. Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian State]. Moscow, 1992. Vol. 4. 480 p.
- Karpov, A. Yu. Batyi [Batu]. Moscow, 2011. 347 p.
- Khrapachevskii, R. P. Armiya mongolov perioda zavoevaniya Drevnei Rusi [The Mongol Army of the Period of the Conquest of Old Rus]. Moscow, 2011. 260 p.

- Khrustalev, D. G. Rus' ot nashestviya do "iga" [Rus from the Invasion to the "Yoke"]. Saint Petersburg, 2008. 380 p.
- Korogodina, M. V. "Velikoe svyashchenie" i Borisoglebskaya tserkov' v Kidekshe ["Great Consecration" and the Church of Sts. Boris and Gleb in Kidekshe]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2021. No. 3 (85). Pp. 139–146. DOI 10.25986/IRI.2021.85.3.011
- Kotlyar, N. F. Formirovanie territorii i vzniknovenie gorodov Galitsko-Volynskoi Rusi IX–XIII vv. [Formation of the Territory and the Emergence of Cities of Galician-Volyn Rus in the 9th – 13th Centuries]. Kiev, 1985. 184 p.
- Kotlyar, N. F. Galitsko-Volynskaya letopis'. Teksty. Kommentarii [Galician-Volyn Chronicle. Texts. Comments]. Kiev, 2005. 424 p.
- Kuchkin, V. A. Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi v X–XIV vv. [Formation of the State Territory of North-Eastern Rus in the 10th – 14th Centuries]. Moscow, 1984. 349 p.
- Kuchkin, V. A. Aleksandr Nevskii – pravitel' i polkovodets [Alexander Nevsky – a Ruler and Commander]. In *Aleksandr Nevskii. Gosudar', diplomat, vojn*. Moscow, 2010. Pp. 101–128.
- Kuchkin, V. A. Zavoevanie Rusi Batyem [The Conquest of Russia by Batu]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2020. No. 4. Pp. 3–30. DOI 10.31857/S086956870010767-4
- Likhachev, D. S. Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie [Russian Chronicles and Their Cultural and Historical Significance]. Moscow; Leningrad, 1947. 499 p.
- Limonov, Yu. A. Letopisanie Vladimiro-Suzdal'skoi Rusi [Chronicle of Vladimir-Suzdal Rus]. Leningrad, 1967. 199 p.
- Limonov, Yu. A. Vladimiro-Suzdal'skaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii [Vladimir-Suzdal Rus. Essays on Social and Political History]. Leningrad, 1987. 213 p.
- Maiorov, A. V. Galitsko-Volynskaya Rus'. Ocherki sotsial'no-politicheskikh otnoshenii v domongol'skii period. Knyaz', boyare i gorodskaya obshchina [Galician-Volyn Rus. Essays on Social and Political Relations in the pre-Mongol Period. Prince, Boyars and the City Community]. Saint Petersburg, 2001. 639 p.
- Maiorov, A. V. Letopisnye izvestiya ob oborone Chernigova ot mongolo-tatar v 1239 g. (Iz kommentariya k Galitsko-Volynskoi letopisi) [Chronicle News about the Defense of Chernigov from the Mongol-Tatars in 1239 (From the Commentary to the Galician-Volyn Chronicle)]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Saint Petersburg, 2009. Vol. 60. Pp. 311–326.
- Maiorov, A. V. Povest' o nashestvii Batyya v Ipat'evskoi letopisi. Chast' vtoraya [The Tale of the Invasion of Batu in the Ipatiev Chronicle. The Second Part]. In *Rossica Antiqua*. 2012. No. 2 (6). Pp. 43–113.
- Maiorov, A. V. Zavoevanie russkikh zemel' v 1237–1240 gg. [The Conquest of Russian Lands in 1237–1240]. In *Zolotaya Orda v mirovoi istorii*. Kazan, 2016. Pp. 89–113.
- Nasonov, A. N. Mongoly i Rus'. Istoriya tatarskoi politiki na Rusi [Mongols and Rus. The History of Tatar Politics in Russia]. In *Nasonov A. N. "Russkaya zemlya" i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva. Mongoly i Rus'*. Saint Petersburg, 2006. Pp. 215–345.
- Nazarenko, A. V., Seregina, N. S., Turilov, A. A. Boris i Gleb [Boris and Gleb]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2003. Vol. 6. Pp. 44–60.
- Presnyakov, A. E. Obrazovanie velikorussskogo gosudarstva [Formation of the Great Russian State]. Petrograd, 1918. 459 p.
- Priselkov, M. D. Istoriya russkogo letopisaniya XI–XV vv. [History of the Russian Chronicles of the 11th – 15th Centuries]. Saint Petersburg, 1996. 325 p.
- Prokhorov, G. M. Povest' o Batyevom nashestvii v Lavrent'evskoi letopisi [The Story of the Batu Invasion in the Laurentian Chronicle]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. Leningrad, 1974. Vol. 28. Pp. 77–98.
- Rapov, O. M. Knyazheskie vladeniya na Rusi v X – pervoi polovine XIII v. [Princes' Possessions in Russia in the 10th – the First Half of the 13th Century]. Moscow, 1977. 261 p.
- Rudakov, V. N. Velikii knyaz' Yaroslav Vsevolodovich v gody nashestviya Batyya [Grand Duke Yaroslav Vsevolodovich and Baty-khan's Invasion]. In *Tetrad'i po konservatizmu*. Moscow, 2020. No. 3. Pp. 411–436.
- Seleznev, Yu. V. Russkie knyaz'ya v sostave pravyyashchei elity Dzhuchieva ulusa v XIII–XV vekakh [Russian Princes as Part of the Ruling Elite of the Juchi Ulus in the 13th – 15th Centuries]. Voronezh, 2013. 470 p.

Shakhmatov, A. A. *Obshcherusskie letopisnye svody XIV i XV vekov* [All-Russian Chronicles of the 14th and 15th Centuries]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1900. Part 332. No. 11. November. Pp. 135–200.

Solov'ev, S. M. *Sochineniya* [Works]. Moscow, 1988. Book 2. 765 p.

Vladimir N. Rudakov
"Historian" Journal, Moscow, Russia

MYSTERIOUS EXPEDITION (CAMPAIGN)
OF THE GRAND PRINCE YAROSLAV VSEVOLODOVICH ON KAMENETS (1239)

The article is devoted to the analysis of the activity of the Grand Prince Yaroslav Vsevolodovich, or Yaroslav II (1190/1191–1246) during the Batu Khan invasion of Russia. The paper specifies motives of his attack on the city of Kamenets in the South of Russia (1239). According to the hypothesis based on the analysis of various sources, this campaign was taken not from Vladimir but from the suburbs of Kiev, where Yaroslav Vsevolodovich could be possibly located at this period of time. In this connection, the date of his return from Kiev to Suzdalian Rus should be reconsidered. Probably it happened on the edge of 1239/1240, not in the middle of 1238 as it is usually stated. During Yaroslav's absence there was his younger brother Sviatoslav Vsevolodovich, or Sviatoslav IV (1196–1252) reigning in Vladimir. When Yaroslav II had returned, Sviatoslav received Suzdal, the second most significant city in Suzdalian Rus and could be possibly considered as a co-ruler.

Keywords: Grand Prince Yaroslav Vsevolodovich, Sviatoslav Vsevolodovich, Michail Vsevolodovich Chernigov, Batu Khan, an invasion, the Battle of the Sit River, Kiev, Vladimir, Suzdal, an attack on Kamenets